

П. В. Тепляшин^{1,2}¹ Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Российская Федерация² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская ФедерацияP. V. Teplyashin^{1,2}¹ Siberian Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, the Russian Federation² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation**РОДИТЕЛЬСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЯХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ФАКТОРЫ, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****Parental paternalism for underage children, serving a sentence of imprisonment: problematic factors, phenomenological aspect and issues of penal regulation**

Ключевые слова: карательная идеология; лиминальный возраст; медиативные технологии; подростковая делинквентность; роль семьи; свидание; средства исправления; уголовно-исполнительная система.

Аннотация. Автором установлено, что реализация семейных связей членов семьи с их несовершеннолетним родственником, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы, вскрывает ряд проблем, связанных в первую очередь с ограниченными возможностями отца и матери по оказанию необходимой лично-ориентированной моральной и материальной помощи осужденному лицу. Продемонстрированы социальный оксюморон воспитательной колонии как «плохого родителя» и частный социальный феномен, показывающий, что ослабление роли семьи является результатом родительской беспомощности, основы которой, как правило, заложены еще на стадии до осуждения несовершеннолетнего члена семьи, а степень родительской ответственности есть продукт общих представлений отца и (или) матери о патерналистской роли государства. Обосновано, что уголовно-исполнительное законодательство должно быть дополнено перспективными положениями, усиливающими реализацию таких его принципов, как демократизм, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, что снизит уязвимость несовершеннолетних осужденных, оторванных от семьи, и ослабит возмездный характер наказания.

Key words: punitive ideology; liminal age; mediation technologies; adolescent delinquency; the role of the family; appointment; means of correction; the penal system.

Abstract. The author found out that the implementation of family ties between family members and their minor relative serving a criminal sentence in the form of deprivation of liberty reveals a number of problems related, first of all, to the limited capabilities of the father and mother to provide the necessary personal-oriented moral and material assistance to the convicted person. The social oxymoron of the educational colony as a «bad parent» and private and social phenomenon, showing that the weakening of a role of the family is the result of helplessness of parental care, defects which, as a rule, laid before the conviction of a minor family member, and the degree of the parent from responsibility is a product of the general ideas of the father and (or) mother about the paternalistic role of the state. It is proved that the penal enforcement should be strengthened with promising legislative provisions that strengthen the implementation of such principles of the penal enforcement legislation as democracy, differentiation and individualization of the execution of punishments, which will reduce the vulnerability of juvenile convicts who are separated from their families, and weaken the retributive nature of punishment.

Реализация родительской заботы о своих несовершеннолетних детях, оказавшихся в местах лишения свободы, и поддержание в этих условиях должных семейных отношений являются сложной социально-правовой и психолого-педагогической проблемой, которая до настоящего времени не подвергалась полному межотраслевому исследованию. Данная проблема трансформировалась в Правило 58 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Пра-

вила Манделы), которое гласит, что «заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями»¹. В свою очередь, в п. «d» ст. 9 Декларации прав семьи 1980 г. закреплено указание на то, что в отношении прав и потребностей семьи, «а особенно к ценности единства семьи, должны с уважением относиться в политике и в уголовном законодательстве таким образом, чтобы заключенные могли поддерживать связь со

¹ URL: un.org/events/mandeladay/mandela_rules.shtml (дата обращения: 17.07.2020).

своими семьями»¹. Кроме того, этому вопросу уделяется достаточно пристальное внимание международными правозащитными правительственными и неправительственными организациями. Так, специалисты Лиги Говарда за реформу уголовного правосудия (Howard League for Penal Reform) выясняют механизмы родительской заботы и обеспечения «правильного благополучия» детей, подвергнутых изоляции от общества². Однако в отечественных исследованиях этому вопросу уделено крайне мало внимания, и он лишь эпизодически выступает объектом поверхностного анализа в отдельных научных работах [Зауторова 2019]. Несколько лучше данный вопрос изучен в зарубежной научной литературе [Turney, Wildeman 2015; Turanovic, Rodriguez, Pratt 2012].

Реализация контактов и налаживания (поддержания) позитивных семейных связей членов семьи с их несовершеннолетними родственниками, отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы, вскрывает ряд таких проблем, как ограниченные социальные ресурсы и возможности (в первую очередь отца и матери) по оказанию необходимой лично-ориентированной моральной и материальной помощи осужденному лицу. В данной области нередко обнаруживается ущербность социально-психологических навыков общения таких лиц друг с другом, на поверхности взаимоотношений проявляются очевидные дефекты родительской ответственности. Вектор таких проблем нивелирует и даже купирует традиционные родительские отношения, на замену которых приходят действие принципа «*parens patriae*» и объективное осуществление уголовно-исполнительного контроля за поведением осужденного лица. Не случайно Джойс А. Ардитти (Joyce A. Arditti) указывает на то, что семьи в этой ситуации подвергаются социальной стигматизации, сталкиваются с постепенным ограничением возможностей в помощи лицам, отбывающим тюремное заключение, их эмоциональное состояние отражает эффект тяжелой утраты [Arditti 2012]. Если учитывать и то обстоятельство, что подростковая делинквентность ослабляет родительскую активность по ее нейтрализации, то и вред наносится семейным отношениям, снижая антикриминогенный потенциал семьи, уже до того момента, когда несовершеннолетний осуждается к реальному лишению свободы. Более того, лишение свободы часто выступает далеко не первым уголовным наказанием в столкновении делинквентного подрост-

ка с уголовным правосудием. Как отмечают Кристофер Угген (Christopher Uggen) и Роберт Стюарт (Robert Stewart) родственники контактируют как в процессе судопроизводства, так и в период исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения, что является «нагромождением» – накоплением уголовных санкций, которые имеют далеко не позитивные последствия как для самих осужденных, так и для их семей [Uggen, Stewart 2014, pp. 1875–1896]. Этот тезис также подтверждает существенное снижение семейно-патерналистских функций в период отбывания несовершеннолетним лицом уголовного наказания.

Серьезными факторами, которые препятствуют конструктивному налаживанию и (или) поддержанию позитивных семейных связей с несовершеннолетним родственником, отбывающим уголовное наказание, связанное с изоляцией от общества, выступают, во-первых, снижение эмоциональной активности посетителя исправительного учреждения (в основном в первые несколько посещений) либо нарушение стабильности эмоционального контакта с осужденным, вызванное объективной спецификой карцеральной среды; во-вторых, действие так называемого кодекса осужденного, суть которого заключается в осмысленном занижении транслируемой информации об условиях отбывания наказания и собственном эмоционально-психологическом состоянии. Данные факторы порождают социальный оксюморон воспитательной колонии как «плохого родителя» – удельное возрастание общественного присутствия в различных областях функционирования исправительных учреждений обуславливает смягчение условий содержания осужденных и повышение прозрачности уголовно-исполнительной системы, но затем снижение работоспособности механизмов реагирования на системные факты нарушений режима, что объясняется процессом концентрации в местах лишения свободы криминально более запущенных осужденных, для которых либерализация исполнения наказания нередко ведет к вседозволенности и демонстрирует неэффективность традиционных средств исправления.

При анализе проблемы родительской заботы и репрезентативных контактов с точки зрения выполнения роли семьи в воспитании ребенка, оказавшегося в местах изоляции от общества, обнаруживается частный социальный феномен. Он зародился на стыке социально-психологических и пенальных практик, обладает всей полнотой социальных свойств, отражает определенную модель взаимодействия людей и базируется на корреляции соответствующих социальных институтов. Его суть состоит в том, что, с одной стороны, ослабление роли семьи в данной сфере уголовно-исполнительных отношений является результатом беспо-

¹ URL: worldcongress.pl/docs/ru/pdf/13.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

² Howard League for Penal Reform. URL: <https://howardleague.org/blog/addressing-the-welfare-needs-of-children-living-in-residential-care-in-the-youth-court/> (дата обращения: 17.07.2020).

мощности родителей, которая, как правило, формируется еще до осуждения несовершеннолетнего члена семьи, и четко обозначаются в период отбывания им наказания, с другой стороны, степень родительской ответственности в этих отношениях есть продукт общих представлений отца и (или) матери о патерналистской роли государства – чем меньше желание и намерение оказывать соответствующую помощь сыну или дочери, отбывающим уголовное наказание, тем слабее уверенность в способности государства поддержать такую семью в сложившейся ситуации. Не случайно в специальном исследовании, посвященном травматическим факторам, переживаемым семьями несовершеннолетних, осужденных за убийства, констатируется, что «все обследованные несовершеннолетние осужденные сами являются жертвами травматичных событий в своих собственных семьях» [Хачатурян, Абдурасулова 2017, с. 210]. В свою очередь М. М. Бабушкин и Л. И. Кундозерова, исследуя несовершеннолетних, отбывающих наказания в воспитательных колониях, отмечают следующее: «Полученные в ходе анализа анкет данные о составе семьи несовершеннолетнего осужденного, а также характере взаимоотношений между ее членами свидетельствуют о неблагополучии, а порой и о глубоком кризисе, переживаемом значительной частью семей, в которых воспитывались подростки» [Бабушкин, Кундозерова 2016, с. 161].

Несовершеннолетние осужденные обладают лиминальным возрастом, они находятся в пороговом персонально-личностном состоянии, что наиболее выражено и симптоматично показывает подростковые поведенческие трансформации (причем с существенными гендерными особенностями [Granja 2016, р. 278–286]), подчеркивает специфику применения соответствующих социальных механизмов обращения с ними и высвечивают эмоциональные барьеры, с которыми сталкиваются члены семьи. Мы солидарны с Дэниелом Маккарти (Daniel McCarthy) и Марией Адамс (Maria Adams), которые пытаются выявить «способы наилучшей поддержки лиц, осуществляющих родительский уход в ранние сроки, задолго до тюремного заключения, а не полагаться на последующее посещение исправительных учреждений, другие инициативы и методы по удовлетворению потребностей лиц, осуществляющих уход, и других членов семьи» [McCarthy, Adams 2019, р. 103]. Как было контекстуально отмечено, требуется учитывать существенные гендерные особенности несовершеннолетних, поскольку данная специфика накладывает свой отпечаток на реализацию родительской заботы за лицами женского пола. Как верно подчеркивают Авниш Бхатт (Avnish Bhatt) и Раджеш Бахугуна (Rajesh Bahuguna), тюрьмы и камеры, как правило, предназначены для мужчин, тогда как на прак-

тике женщины требуют больших гарантий и внимания [Bhatt, Bahuguna 2019, pp. 167–168]. Кроме того, обращает на себя внимание дело, которое рассматривалось в Верховном Суде США в 2005 г. «Ропер против Симмонса» (Roper v. Simmons), в котором суд опирался на данные социальных наук о незрелости развития несовершеннолетних, чтобы сделать вывод о том, что они менее виновны и более склонны к исправлению, чем взрослые преступники¹. В современных научных исследованиях относительно уголовно-правовых притязаний к несовершеннолетним преступникам в судебных системах США и Европы указывается, что общественное восприятие, по-видимому, еще больше отошло от карательных взглядов, наблюдаемых в 1990-е гг. [Allen, Trzcinski, Kubiak 2012, pp. 97–98]. В Российской Федерации обнаруживаются подобные тенденции, что вызывает научный интерес в разрезе рассматриваемой нами проблемы и динамично распространяющейся социально-правовой закономерности усиления процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и различными правами осужденных со стороны Европейского суда по правам человека.

В целом правоприменительная практика демонстрирует целесообразность задействования дополнительных ресурсов для эффективного исправительного воздействия на несовершеннолетнего осужденного. Одним из таких ресурсов выступает участие родителей и (или) близких родственников в воспитательной работе с несовершеннолетним осужденным.

Упоминая лиминальный возраст, нельзя обойти вниманием отдельные проявления молодежной субкультуры, например использование киберпространства виртуальной социализирующей среды с помощью компьютерных игр. Так, в культурно-криминологическом смысле данные игры создают вымышленные миры наказания и тюремного заключения, которые размываются и смешиваются с реальностью противодействия преступности и карательной идеологии [Ferrell, Hayward, Young 2015]. По весьма аргументированному мнению Кевина Штейнмеца (Kevin F. Steinmetz), через изображения чудовищных форм возмездия некоторые популярные игры (например, Silent Hill) являются метафорой морального противоречия – погоня за чудовищами грозит стать чудовищной сама по себе, а попытки наказать беззаконников являются борьбой со злом. Соответственно, посредством подобных компьютерных игр жизнь подростка выходит из-под реального контроля, а приобретенная в виртуальном мире привычка оскорблять и применять насилие становится обычной моделью пове-

¹ Juvenile Law Centre. Legal Docket. Roper v. Simmons. URL: <https://jlc.org/cases/roper-v-simmons> (дата обращения: 20.07.2020).

дения и в реальной действительности [Steinmetz 2018, pp. 283–284]. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что социальность повседневной жизни транспонируется в мир воображаемых событий, и таким образом происходит слияние виртуальных образов подросткового мышления с его когнитивной деятельностью. Ведь когда несовершеннолетний видит в акте применения физического воздействия героический поступок, то насилие легко может экстраполироваться с видеоигры в реальную действительность. Данная среда реализации потребностей развивающейся личности может носить и позитивный характер [Малый, Иноземцева 2017], но ее действие способно осложнять коммуникацию делинквентного подростка с семьей, значительно препятствуя позитивным контактам в период отбывания несовершеннолетним осужденным уголовного наказания.

Как представляется, уголовно-исполнительное законодательство лишь отчасти регламентирует возможность реализации родительской заботы о своих несовершеннолетних детях, оказавшихся в местах лишения свободы. Так, ст. 89 УИК РФ закреплены краткосрочные и длительные свидания; ст. 134 УИК РФ – права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей и лиц, их заменяющих, или других близких родственников. Кроме того, согласно ст. 142 УИК РФ в целях повышения эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказания помощи администрации воспитательных колоний при отрядах колоний могут создаваться родительские комитеты из родителей, лиц, их заменяющих, и других близких родственников осужденных.

Однако отсутствуют кодифицированные уголовно-исполнительные нормы, регламентирующие: оказание несовершеннолетним осужденным совместной психологической помощи – родителем(ями) и профессиональным психологом; медиативные технологии и методы восстановительного правосудия; учет гендерных особенностей исполнения наказаний; формы и основное содержание общественного попечения и ряд иных положений, касающихся оптимизации правового регулирования воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных с участием их родителей или близких родственников. И это несмотря на то, что в научных исследованиях уже достаточно давно указывается на необходимость всемерно правового регулирования обозначенных и уже объективно востребованных форм и методов обращения с несовершеннолетними осужденными с последующим созданием соответствующих подразделений в ФСИН России [Горкина 2019; Коробкин 2018]. В свою очередь, доктринальный проект Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривает принцип

участия общества и граждан в исправлении осужденных и в обеспечении их прав и законных интересов [Селиверстов 2017, с. 87–90].

Думается, что важность (для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства) регулирования рассматриваемых общественных отношений обуславливает необходимость закрепления правовых предписаний именно на кодифицированном уровне. Такие нормативные установления, тесно связанные с задачами и принципами уголовно-исполнительного права, должны носить общеобязательный характер и отражать единство исправительного процесса и воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными. Подзаконные правовые акты, например Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы¹, обеспечивают развитие и детализацию процесса реализации кодифицированных правовых норм, не способны фиксировать «арматурные» позиции исправительно-воспитательного воздействия, поэтому они не могут закреплять базовых предписаний в области родительской заботы о несовершеннолетних детях, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Как справедливо отмечает В. А. Уткин, «специальные права осужденных к лишению свободы не являются ни “продолжением”, ни модификацией тех или иных конституционных положений или сходных с ними норм отраслевого законодательства. Эти и им подобные нормы закрепляют особые пенитенциарные права осужденных как разновидность их специальных прав как прав требования. Появление и существование таких прав зиждется не на конкретных юридических установлениях более общего характера, а на международно признанных началах гуманизма применительно к факту государственной изоляции граждан в специальных учреждениях» [Уткин 2020, с. 138]. В частности, ч. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.² и ч. 1 ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.³ закрепляют, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». Следовательно, существуют веские основания формирования кодифицированного формата юридических основ субъективных прав несовершеннолетних осужденных на оказание им роди-

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 6 окт. 2006 г. № 311 // Российская газета. 2006. 18 окт.

² Российская газета. 1995. 5 апр.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12. С. 5–11.

тельской заботы и помощи в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, проблема реализации родительского патернализма о несовершеннолетних детях, отбывающих наказание в виде лишения свободы, остается не до конца исследованной, но средства ее преодоления имеют значительные правоприменительные резервы. Однако действующая регламентация рассматриваемых уголовно-исполнительных отношений во многом отражает карательную (ретрибутивную) стратегию правового воздействия на несовершеннолетнего преступника и его семью, что расходится с прогрессивными

представлениями о цивилизационном характере и гуманитарном тренде отечественной уголовно-исполнительной политики. Как представляется, необходимо признать целесообразность проработки перспективных законодательных положений, усиливающих реализацию таких принципов уголовно-исполнительного законодательства, как демократизм, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, а также следует развивать иные основополагающие правоустанавливающие идеи, которые снижали бы уязвимость несовершеннолетних осужденных, оторванных от семьи, и ослабляли возмездный характер наказания.

Список цитируемых источников

Бабушкин, Кундозерова 2016 – *Бабушкин М. М., Кундозерова Л. И.* Характеристика несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 160–164.

Горкина 2019 – *Горкина С. А.* Медиативные технологии в вопросах воспитательного воздействия на осужденных // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3(48). С. 130–134.

Зауторова 2019 – *Зауторова Э. В.* Отношение несовершеннолетних осужденных женского пола к поведению и методам воспитания родителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 3(78). С. 300–305.

Коробкин 2018 – *Коробкин А. В.* Опыт внедрения медиативных (примирительных) технологий в работу учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и перспективы создания института пенитенциарных медиаторов в Федеральной службе исполнения наказаний // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом. Рязань : АПУ ФСИН России, 2018. С. 75–83.

Малый, Иноземцева 2017 – *Малый Д. В., Иноземцева Ю. В.* Компьютерная игра как способ социализации личности // Национальные приоритеты России. 2017. № 1. С. 68–72.

Селиверстов 2017 – *Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова.* М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.

Уткин 2020 – *Уткин В. А.* Пенитенциарные права осужденных // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2. С. 134–142.

Хачатурян, Абдурасулова 2017 – *Хачатурян С. Д., Абдурасулова М. Н.* Травматизация семей несовершеннолетних, осужденных за убийства // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2017. № 7. С. 202–212.

Allen, Trzcinski, Kubiak 2012 – *Allen T., Trzcinski E., Kubiak S.* Public attitudes toward juveniles who commit crimes: the relationship between assessments of adolescent development and attitudes toward severity of punishment // *Crime and Delinquency*. 2012. Vol. 58, no. 1. P. 78–102.

Arditti 2012 – *Arditti J. A.* Parental incarceration and the family: psychological and social effects of imprisonment on children, parents, and caregivers. New York : New York University Press, 2012. 258 p.

Bhatt, Bahuguna 2019 – *Bhatt A., Bahuguna R.* Women prisoners and human rights: the juxtaposition of rights and reality // *International Journal on Emerging Technologies*. 2019. Vol. 10, no. 1. P. 163–170.

Ferrell, Hayward 2015 – *Ferrell J., Hayward K.* Cultural criminology. 2nd ed. Thousand Oaks : SAGE, 2015. 304 p.

Granja 2016 – *Granja R.* Beyond prison walls: the experiences of prisoners' relatives and meanings associated with imprisonment // *Probation Journal*. 2016. Vol. 63, no. 3. P. 273–292.

McCarthy, Adams 2019 – *McCarthy D., Adams M.* «Yes, I can still parent. Until I die, he will always be my son»: parental responsibility in the wake of child incarceration // *Punishment & Society*. 2019. Vol. 21, no. 1. P. 89–106.

Steinmetz 2018 – *Steinmetz K.F.* Carceral horror: punishment and control in Silent Hill // *Crime Media Culture*. 2018. Vol. 14, no. 2. P. 265–287.

Turanovic, Rodriguez, Pratt 2012 – *Turanovic J. J., Rodriguez N., Pratt T. C.* The collateral consequences of incarceration revisited: a qualitative analysis of the effects on caregivers of children of incarcerated parents // *Criminology*. 2012. Vol. 50, no. 50. P. 913–959.

Turney, Wildeman 2015 – *Turney K., Wildeman C.* Detrimental for some? Heterogeneous effects of maternal incarceration on child wellbeing // *Criminology & Public Policy*. 2015. Vol. 14, no. 1. P. 125–156.

Uggen, Stewart 2014 – *Uggen C., Stewart R.* Piling on: collateral consequences and community supervision // *Minnesota Law Review*. 2014. Vol. 99, no. 5. P. 1871–1912.

References

- Allen, T., Trzcinski, E. and Kubiak, S. (2012), "Public attitudes toward juveniles who commit crimes: the relationship between assessments of adolescent development and attitudes toward severity of punishment", *Crime and Delinquency*, vol. 58, no. 1, pp. 78–102.
- Arditti, J. A. (2012), *Parental incarceration and the family: psychological and social effects of imprisonment on children, parents, and caregivers*, New York University Press, N. Y., USA.
- Babushkin, M. M. and Kundozerova, L. I. (2016), "Characteristics of juvenile offenders serving their sentences in educational colonies", *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no. 4(29), pp. 160–164.
- Bhatt, A. and Bahuguna, R. (2019), "Women prisoners and human rights: the juxtaposition of rights and reality", *International Journal on Emerging Technologies*, vol. 10, no. 1, pp. 163–170.
- Ferrell, J., Hayward, K. and Young, J. (2015), *Cultural criminology*, 2nd ed., SAGE, Thousand Oaks, USA.
- Gorkina, S. A. (2019), "Mediative technologies in terms of educational impact on convicts", *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, no. 3(48), pp. 130–134.
- Granja, R. (2016), "Beyond prison walls: the experiences of prisoners' relatives and meanings associated with imprisonment", *Probation Journal*, vol. 63, no. 3, pp. 273–292.
- Khachatryan, S. D. and Abdurasulova, M. N. (2017), "Traumatizing families of minors convicted of murder", *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti*, no. 7, pp. 202–212.
- Korobkin, A. V. (2018), "Experience in implementing mediation (conciliation) technologies in the work of institutions and bodies of the criminal executive system and prospects for creating an Institute of penitentiary mediators in the Federal penitentiary service", *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad], APU FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 75–83.
- Malyi, D. V. and Inozemtseva, Yu. V. (2017), "Computer game as a way of socialization", *Natsional'nye priority Rossii*, no. 1, pp. 68–72.
- McCarthy, D. and Adams, M. (2019), "Yes, I can still parent. Until I die, he will always be my son": Parental responsibility in the wake of child incarceration", *Punishment & Society*, vol. 21, no. 1, pp. 89–106.
- Seliverstov, V. I. (ed.) (2017), *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling], Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.
- Steinmetz, K. F. (2018), "Carceral horror: punishment and control in Silent Hill", *Crime Media Culture*, vol. 14, no. 2, pp. 265–287.
- Turanovic, J. J., Rodriguez, N. and Pratt, T.C. (2012), "The collateral consequences of incarceration revisited: a qualitative analysis of the effects on caregivers of children of incarcerated parents", *Criminology*, vol. 50, no. 4, pp. 913–959.
- Turney, K. and Wildeman, C. (2015), "Detrimental for some? Heterogeneous effects of maternal incarceration on child wellbeing", *Criminology & Public Policy*, vol. 14, no. 1, pp. 125–156.
- Uggen, C. and Stewart, R. (2014), "Piling on: collateral consequences and community supervision", *Minnesota Law Review*, vol. 99, no. 5, pp. 1871–1912.
- Utkin, V. A. (2020), "Penal rights of convicted persons", *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no. 2, pp. 134–142.
- Zautorova, E. V. (2019), "Female juvenile convicts' attitude to their parents' behaviour and methods of upbringing", *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, vol. 24, no. 3(78), pp. 300–305.

Информация об авторе

Тепляшин Павел Владимирович,
доктор юридических наук, доцент, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Российская Федерация, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация; pavlushat@mail.ru

☞ Для цитирования

Тепляшин П. В. Родительский патернализм о несовершеннолетних детях, отбывающих наказание в виде лишения свободы: проблемные факторы, феноменологический аспект и вопросы уголовно-исполнительного регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 24–29.

Information about the author

Teplyashin Pavel V.,
doctor of law, associate professor,
Siberian Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, the Russian Federation, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation; pavlushat@mail.ru

☞ For citation

Teplyashin, P. V. (2020), "Parental paternalism for underage children, serving a sentence of imprisonment: problematic factors, phenomenological aspect and issues of penal regulation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3(56), pp. 24–29.